

# АРХИТЕКТУРНО- АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБСЛЕДОВАНИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ЦЕРКВИ СПАСА НА БЕРЕСТОВЕ В 1909–1914 ГОДЫ ПОД РУКОВОДСТВОМ П. П. ПОКРЫШКИНА<sup>1</sup>

Анастасия Анатольевна Никитина

магистр теологии  
аспирант 2 года обучения аспирантуры  
Московской духовной академии  
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра, Академия  
anastasiya.anik@gmail.com

**Для цитирования:** *Никитина А. А.* Архитектурно-археологические обследования и реставрация церкви Спаса на Берестове в 1909–1914 годы под руководством П. П. Покрышкина // Богословский вестник. 2020. № 4 (39). С. 231–251. DOI: 10.31802/GV.2020.39.4.013

## Аннотация

УДК 72.025.4 (726)

Статья посвящена истории изучения киевского храма Спаса на Берестове. Началом фундаментального комплексного архитектурно-археологического исследования этого храма стали работы, проведённые выдающимся учёным, основателем современной методики изучения древнерусской архитектуры, академиком П. П. Покрышкиным во время капитального ремонта-реставрации церкви в 1909–1914 гг. Однако данные о раскопках П. П. Покрышкина (дневники, отчёты, обмеры) отсутствуют, поскольку работы прервались с началом Первой мировой войны и все материалы, за исключением фотографий, были утеряны. В данной работе на основании всех имеющихся данных, в том числе

1 Научный руководитель – доктор архитектуры И. Н. Слюнькова.

неопубликованных архивных источников, с которыми мы ознакомились, воссоздаётся картина архитектурно-археологических исследований и ремонтно-реставрационных работ церкви Спаса на Берестове в 1909–1914 гг., произведенных под руководством сотрудника Императорской археологической комиссии, академика архитектуры П. П. Покрышкина. Приведён ряд выработанных и применённых им на этом объекте методологических принципов и мер, позволивших значительно повысить степень научной достоверности восстановления памятника. В результате исследования показано, какую роль в формировании современных исходных принципов научной реставрации памятников архитектуры сыграло восстановление этого храма.

**Ключевые слова:** Пётр Петрович Покрышкин, архитектор, реставратор, памятник, культурное наследие, церковное искусство, древнерусское зодчество, церковь Спаса на Берестове, теория реставрации.

**Д**ата строительства киевской церкви Спаса на Берестове не отображена в летописи. В течение XII в. храм неоднократно упоминается в Ипатьевской, Лаврентьевской, Новгородской, Воскресенской летописях в качестве княжеской усыпальницы рода Мономаховичей. В 1138 г. у Спаса была похоронена дочь Мономаха Евфимия Владимировна, в 1157 г. погребён его сын, в то время Великий князь Киевский, Юрий Владимирович (Долгорукий), а в 1173 г. захоронен сын Долгорукого — киевский князь Глеб Юрьевич. Последнее упоминание относится к 1231 г. (Лаврентьевская летопись), где говорится о том, что игумен Спасский Пётр присутствовал в Киевской Софии на хиротонии епископа Ростовского Кирилла.

В 1240 г. Спасо-Преображенская церковь была разрушена при взятии Киева Батыем. К началу XVII в. от неё сохранились только руины. Выкупленная у униатов митрополитом киевским Петром Могилой, церковь была им же восстановлена в 1640–1643 гг. в стиле украинского барокко. В начале XVIII в. с западной стороны храма был выстроен каменный притвор, в 1813–1814 гг. киевским архитектором А. Меленским к притвору пристроена двухэтажная колокольня в стиле классицизма.

Таким образом, археологическое изучение Спасского храма началось ещё в XVII в. и первым исследователем можно считать митрополита Петра Могилу, который провёл на территории ремонтно-реставрационные работы, в том числе строительные. С этого времени вплоть до XX в. исследования не проводились.

В 1909 г. Собор Киево-Печерской лавры изъявил желание произвести ремонт расположенного поблизости храма Спаса на Берестове. На место прибыл член Императорской археологической комиссии (далее — ИАК), академик архитектуры П. П. Покрышкин. Осмотрев здание, он пришёл к выводу, что церковь представляет собой уникальный образец памятника, облик которого на протяжении его исторической жизни радикально менялся. Эти исследования, продолжавшиеся девять дней, не могли быть закончены по недостатку средств, поэтому ни древнего плана церкви, ни устройства её фундаментов выяснить не удалось. Однако выяснилось, что от здания XII в. уцелел нартекс почти на полную высоту, с крещальней и лестничной башней, включенный в постройку XVII в. Нартекс, по убеждению Покрышкина, основанному на ряде находок на фасаде, не был первоначально оштукатурен.<sup>2</sup> Академик высказался о необходимости прове-

2 Доказательством тому служил открытый из-под штукатурки тимпанчик средней нишки на южном фасаде, рельефный крест на западном фасаде южного крыла, красиво выложенный из кирпичей, а также само изящество кладки и насечки на швах.



Илл. 1. Церковь Спаса на Берестове. Вид до реставрации. Фото П. П. Покрышкина. ЛОИА

сти работы инженерно-технического характера основательно исследовать памятник до начала ремонтных работ. Кроме этого, он предлагал освободить древнейшую часть церкви от штукатурки «ради научного исследования и ради красоты»<sup>3</sup>, а также раскрыть фрагменты первоначальной архитектуры церкви, причём в деталях продумал, как это сделать. Поскольку укреплять фундаменты дорого, Покрышкин планировал для начала провести починку цоколя и понаблюдать за результатом (со временем, правда, стало ясно, что фундамент все-таки придется укреплять). Иными словами, предполагалось осуществить фрагментарное раскрытие древнего памятника, внутри же этих фрагментов произвести не полное воссоздание текстуры, а нейтральное заполнение утрат<sup>4</sup>. Императорская археологическая комиссия одобрила программу П. П. Покрышкина.

Четырнадцатого октября 1910 г., в связи с началом работ, Комиссия обратилась в Военное министерство с просьбой обеспечить доступ к расположенным в районе крепостного вала развалинам купольных столбов и алтарных полукружий древнего храма и для этого удалить часть крепостного вала, который находился в ведении министерства<sup>5</sup>. Перед началом работ были сделаны фотоснимки церкви (см. илл. 1).

В ходе дальнейших археологических раскопок П. Покрышкин открыл и обследовал основания разрушенной части храма, что позволило полностью реконструировать его план. По сути, это первые археологические раскопки древнего ядра. Судя по характеру строительно-технических и композиционных приёмов, он отнёс строительство храма к первой четверти XII в., то есть ко времени правления Великого князя Киевского Владимира Мономаха, хотя продолжительное время церковь считалась постройкой времён правления в Киеве Великого князя Владимира Святославича (978–1015).

3 Церковь Спаса на Берестове // Известия Императорской Археологической комиссии. Прибавление к вып. 39 (Хроника и библиография. Вып. 19). СПб, 1911. С. 98–100.

4 Щенков А. С. Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации. М., 2002. С. 439.

5 Медведева М. В., Мусин А. Е. Императорская Археологическая комиссия: Реставрация и охрана памятников культуры // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917). СПб., 2009. С. 1041–1043.

В 1911 г. в «Известиях ИАК» была опубликована статья из газеты «Киевлянин» за 11 сентября, в которой описывались проделанные реставрационные работы и открытия, сделанные исследователем. Корреспондент пишет, что работы начались с укрепления фундамента церкви. Для укладки нового фундамента вырыли вдоль стен глубокие рвы. Большой интерес вызвал способ укладки фундамента: в ров, предназначенный под фундамент, укладывались продольные деревянные лежни, между ними вбивались в лёсс толстые деревянные колья, основа забучивалась щебнем, цементом, извёсткой, а затем воздвигались фундамент и стены. Иногда, кроме продольных лежней, клались ещё и поперечные. В таких случаях они скреплялись толстыми железными гвоздями. Этот способ укладки фундамента, известный в Греции, надо полагать, к нашей почве не подошёл: дерево гнило и вызывало осадку сооружения, иногда очень неправильную. Этим архитектор П. Покрышкин преимущественно и объяснял образование трещин в церкви Спаса на Берестове и наклон всего здания в сторону северной стены.

Характерной оказалась также кладка стен. Кирпичи не клались ровно, по линии отвеса: обыкновенно один выступал, а другой отступал (техника западающих рядов). Кирпич использовался большой, тяжелый, с примесью кварца и мелких камешков. Известка прочная, тяжёлая, розового цвета, вероятно, от примеси толчёного кирпича. По характеру кладки было видно, какая часть принадлежит великокняжеской эпохе, а какая — позднему времени. От древнего сооружения, как и предполагалось при первом обследовании, осталась неприкосновенной средняя часть нынешней церкви с двумя приделами, которая составляла западную часть древнего храма (нартекс). От средней части его уцелел только фундамент, на котором митрополит Пётр Могила воздвиг алтарную часть нынешней церкви. Значительная же часть древнего фундамента — главная, восточная сторона храма — на момент публикации находилась ещё в земле, под высоким крепостным валом<sup>6</sup>.

Правый и левый приделы древнего храма, сохранившиеся почти в первоначальном виде, имели форму круглых башен. Наверху они оканчивались высокими сводами, остатки которых исследователи заметили с чердака церкви. При Петре Могиле эти своды заменили новыми, причём башни были несколько срезаны. Назначение южной башни выяснили, обнаружив следы винтовой лестницы, ведущей, вероятно, на хоры. Также нашли основание каменного столба, вокруг которого



Илл. 2. Северный компартимент  
в процессе и после раскрытия.  
Фото П. П. Покрышкина. ЛОИА

она извивалась. Также на чердаке храма, на старой великокняжеской стене, а также на обломках известки, найденной при раскопках, были найдены следы древних фресок<sup>7</sup>.

Таким образом, П. П. Покрышкин был прежде всего озадачен конструктивным укреплением здания, для чего, вопреки первоначальным предположениям, вычинивалась кладка фунда-

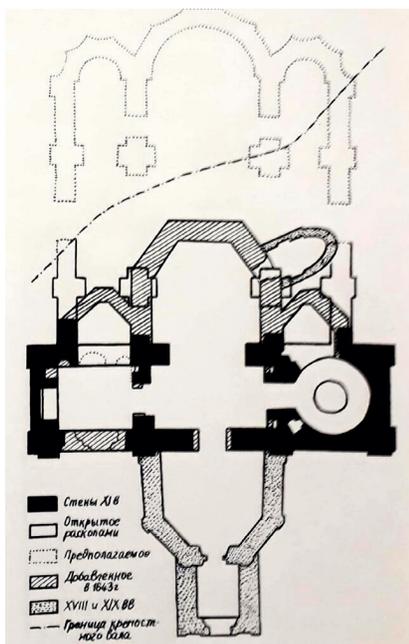
мента и цоколя. Вычинка делалась обычным кирпичом, затем подземная часть кладки и небольшая полоска цоколя штукатурились. Новая кладка выше цоколя на заключительном этапе работ была покрыта затиркой, подобранной в тон с основной кладкой. При ремонте цоколей были сняты контрфорсы у северного компартимента нартекса. (см. илл. 2).

Летом 1910 г. началось освобождение древних частей памятника от штукатурки. При этом открывались первоначальные оконные проемы, элементы орнаментации стен. Обнаружилась во всей полноте асимметрия декоративного убранства северного и южного фасадов древнего храма. Она сказалась не только в различной расстановке окон и разной высоте декоративных ниш: обнаружилось, что на северном фасаде есть выложенный из кирпича декоративный фриз, а на южном его нет. П. Покрышкин сохранил все эти особенности декора. Кроме работ на фасадах старого храма, реставратор открыл над апсидами рваную кладку в местах примыкания погибших частей памятника и сохранил здесь её неровность со следами примыкания сводов. Раскрытие стен было произведено до позднего карниза, оформлявшего переход к покрытиям XVII–XVIII вв. Этот штукатурный карниз был подправлен и побелён<sup>8</sup>. В результате раскрытые фрагменты фасадов, сохранившиеся с XII в., по цвету и фактуре резко отличались от остальной наружной поверхности, тем не менее облик отреставрированного храма получился довольно гармоничным.

На основании раскопок П. П. Покрышкина и исследований западной части храма стало ясно, что архитектурно древнее здание представляло

7 Церковь Спаса на Берестове. С. 98–100.

8 Щенков А. С. Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации. С. 439.



Илл. 3. Церковь Спаса на Берестове.  
План П. П. Покрышкина

ный план сооружения в 1913 г.<sup>9</sup> Он неоднократно переиздавался, пока в 1961 г. не вышел труд М. К. Каргера с уточнённым планом сооружения. В 1914 г. П. П. Покрышкин продолжал исследования и обнаружил вблизи северного и южного входов в храм остатки притворов (см. илл. 3).

После раскрытия древних частей на фасадах храма Пётр Петрович перенёс работы в интерьер, где исследовал бывший западный вход в церковь, который вёл теперь в трапезную. После снятия нерасписанной штукатурки обнаружили следы примыкавшей к стене арки с трёхлопастным завершением. Следы эти не представляли сплошной линии. Местами они прерывались поздними чинками, в одном же месте вроде бы разрывались первоначальной кладкой, несколько, впрочем, попорченной. Это место разрыва оказалось в точке, где должны были соединяться полуциркульная (центральная) и северная четвертная арки. Симметричная точка с юга попала под позднюю закладку (см. илл. 4).

Эти исследования остались неопубликованными (хотя многочисленные фото хранились в архиве ЛОИИМК), что привело к довольно острой

собой большой шестистолпный крестово-купольный храм размером 20 на 30 метров. Три его апсиды были гранёными снаружи, а их поверхность была расчленена небольшими полуколонками — тягами, плоскими лопатками, которые делили фасады. Широкий нартекс имел с левой стороны крещальню, а с правой — круглую внутри и четырехугольную снаружи башню. Особенностью нартекса было то, что башня и крещальня выступали развитыми ризолитами за южный и северный фасады, то есть они не стояли отдельно вблизи сооружения, как в Спасском соборе в Чернигове или Успенском соборе Печерского монастыря, а находились непосредственно в нартексе.

Именно таким опубликовал П. П. Покрышкин реконструктив-

9 Отчёт Императорской археологической комиссии за 1909–1910 гг. СПб., 1913. С. 184. Рис. 231.



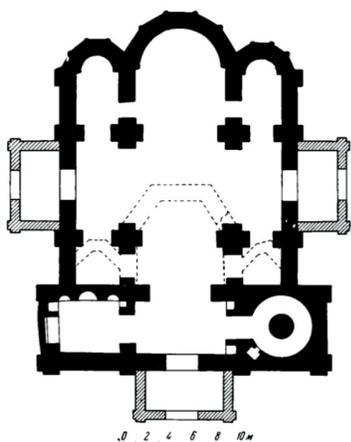
Илл. 4. Следы трёхлопастной арки  
на западной стене древнего храма

полемики в научной литературе о характере трёхлопастной арки, остатки которой сохранились на западном фасаде памятника. П. П. Покрышкин интерпретировал их как три разорванных участка кладки дугового очертания. На этих трёх участках он сохранил, а в местах поздних закладок воссоздал штрабы от примыкавшего свода. Всю остальную поверхность он залицевал плинфой с утопленными рядами, воссоздав поверхность в первоначальной технике. Таким образом, Пётр Петрович отказался от приёмов, применённых на фасадах, чинки не выделял, повреждения сохранил в полном объеме, выделил бесспорные по достоверности фрагменты, составившие симметричное трёхлопастное построение. Оно в качестве декоративного мотива венчает трёхчастную фресковую композицию входа, отреставрированную тогда же Г. И. Кириковым<sup>10</sup>. Стремление максимально сохранить и выявить особенности памятника сказалось в том, что реставратор оставил открытой дубовую перемышку, вложенную в стену над проёмом входа, а также торцы остатков поперечных дубовых балок (по две с каждой стороны, примерно под пятами центральной дуги трёхлопастной композиции). Дубовый брус был не полностью сохранён, но реставрирован<sup>11</sup>.

Сразу же после реставрации было высказано несколько предположений. Остатки притворов, обнаруженные П. П. Покрышкиным во время раскопок вблизи северного и южного входов в храм, наводили на мысль о существовании притвора и с запада. Так, М. И. Брунов считал, что это остатки от трёхлопастного перекрытия притвора, который располагался перед порталом западного фасада. К. В. Шероцкий и Д. В. Айналов писали, что церковь Спаса на Берестове имела три боковых притвора, что, по определению Д. В. Айналова, «делает из неё крестообразный купольный храм вроде открытого на анатолийском берегу вблизи Сурейя-Паша, происхождение которого можно отнести к провинциально-византийским церквям». Решительно против утверждения о том, что остатки трёхлопастной

10 *Щенков А. С.* Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации. С. 439.

11 *Штендер Г. М.* Трёхлопастное покрытие церкви Спаса на Берестове // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1981. С. 536, 543.



Илл. 5. План-реконструкция церкви Спаса на Берестове. М. К Каргер. 1953 г.

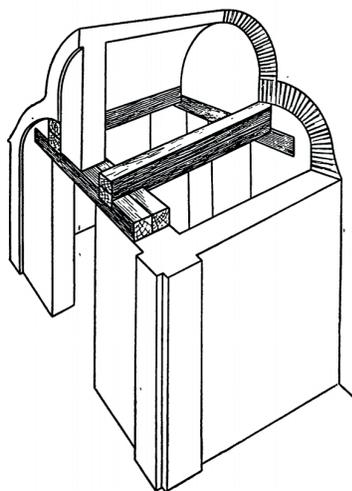
арки на самом деле являются перекрытием притвора, выступил И. М. Хозеров, который писал: «Это не что иное, как остатки кирпичного рельефа, который имел только декоративное значение». Он объяснял это тем, что дуги не соединяются со смежными полулунами и между ними значительное расстояние, площадь которого представляет собой ровную поверхность фасада. Кроме того, по мнению исследователя, подобной конструкции просто не могло существовать. Заметим, что И. М. Хозеров принял за ровные поверхности стен и за разрывы между арками те части стен, которые были отреставрированы П. П. Покрышкиным, что хорошо

заметно на фотографиях. Именно это впоследствии отмечал М. К. Каргер, который, исходя из фотографий П. П. Покрышкина, опубликовал реконструктивный план памятника с тремя притворами (см. илл. 5).

Возражая И. М. Хозерову, М. К. Каргер не считал возможным рассматривать остатки трёхлопастной арки как декоративный элемент западного фасада. Вместе с тем М. К. Каргер не брал на себя решение вопроса о возможности существования трёхлопастного свода, хотя уверенность в том, что такая конструкция в церкви Спаса на Берестове существовала, высказывали и другие исследователи. Действительно, представить себе такую конструкцию без внутренних дополнительных стен или столбов, остатков которых во время раскопок П. П. Покрышкина не было найдено, невозможно<sup>12</sup>.

В 1970 г. проводились реставрационные работы над фресковой росписью XVII в., которая сохранилась в нартексе церкви. Под ней, на западной стене, выявлены остатки интересной фресковой росписи XII в., что вызвало интерес к памятнику, а вместе с ним и к его реконструкции, в частности к формам и перекрытиям западного притвора. В связи с тем, что для открытия фресок XII в. необходимо было снять с западной стены нартекса живопись XVII в., появилась возможность исследовать конструкции перекрытия притвора. В результате была выявлена деревянная

12 Асеев Ю. С, Харламов В. О. Новые исследования церкви Спаса на Берестове // Археология Киева: Исследования и материалы. Киев, 1972. С. 84–90.



Илл. 6. Схема реконструкции притвора

перемычка центрального портала, которая представляла собой дубовый брус размерами 510 на 25 см. В XVII в. входное отверстие было уменьшено, поэтому деревянные конструкции и были замурованы. Первоначальные размеры отверстия 500 на 250 см. По краям бруса перемычки имеются прямоугольные врубки четвертей, в которых заметны остатки дубовых брусьев, уложенных перпендикулярно перемычке. Это, бесспорно, остатки от брёвен, которые своими вторыми концами опирались на западную стену притвора и были основой для «пяты» верхней дуги трёхлопастного свода над притвором. Над западной стеной притвора брусья врезались в систему деревянных перемычек, которые не сохранились. Интересно, что для усиления конструкции, которая держала на себе верхнюю дугу трёхлопастного свода, положили не один, а два бруса друг над другом (см. илл. 6).

По предположениям Ю. С. Асеева и В. О. Харламова, южный и северный притворы имели такие же конструкции. Анализируя все сведения об архитектуре сооружения, его первоначальном виде, Асеев и Харламов представили его себе таким, как показано на илл. 7<sup>13</sup>.

В графической реконструкции церкви они воспроизводят на южной и северной частях нартекса башни куполов с крестами, предполагая, что с самого начала церковь была трехглавой.

А. И. Комеч, не отрицая возможности существования притвора, не соглашается с предлагаемыми его реконструкциями, в частности, потому, что они игнорируют видимый на фотографии до реставрации разрыв в дуговых очертаниях кладки.

Г. М. Штендер считал, что П. П. Покрышкин ошибся, сделав упомянутый выше разрыв трёхлопастной арки. Он также находил, что в любом случае методической ошибкой была залицовка этого ответственного места, хотя уже, например, А. С. Щенков старался объяснить, что это было неизбежно. А. С. Щенков пишет, что П. П. Покрышкин сохранил дореставрационные повреждения в полном объёме и поздние чинки не выделял,

13 Асеев Ю. С, Харламов В. О. Новые исследования церкви Спаса на Берестове. С. 84–90.



Илл. 7. Реконструкция Ю. С. Асеевым и В. О. Харламовым внешнего вида храма по исследованиям 1989–1990 гг.

а всю остальную поверхность залицевал плинфой с утопленными рядами, воссоздав поверхность в первоначальной технике. Сделано это было в связи с тем, что стена расположена внутри действующего храма и должна сохранять цельность архитектурного оформления. Несмотря на это реставратор всё-таки сумел выделить бесспорные по достоверности фрагменты, составившие симметричное трёхлопастное построение<sup>14</sup>.

Таким образом, вопрос о том, что именно представляли собой остатки арки на древней фасадной западной

стене, видимо, ещё долго будет оставаться невыясненным, хотя от его решения зависит не только выявление доселе неизвестной древнерусской архитектурной конструкции, но и существенные различия в композиции сооружения.

Слева, где кладка в спорном месте в основном сохранилась, можно всё-таки проследить штрабу свода вплоть до торцовых дубовых балок, как это и утверждает Г. М. Штендер<sup>15</sup>. Она не слишком ясная, местами пересекается сплошной линией кладки стены. Её выявлению мешает и то, что дуга заканчивается внизу не вертикальными, как привычно глазу, а наклонными участками, подводящими к широко расставленным поперечным дубовым балкам. Эта наклонная линия вплотную стыкуется с левой четвертной дугой. Сбивающие картину участки сплошной горизонтальной кладки могли представлять собой, как считает А. С. Щенков, или специфический приём перевязки, или чинку XIII в. Он делает предположение о том, что притвор мог обрушиться уже тогда, при взятии Киева татарами. Немаловажно и замечание А. И. Комеча, что гипотеза о трёхлопастном покрытии основывается на предположении, что центральная часть этого свода опирается на дубовые балки, концы которых, как уже упоминалось раньше, найдены в кладке. Балки же эти слабы для предполагаемой нагрузки<sup>16</sup>. Как бы ни окончилась дискуссия, ясно лишь то, что необходимость придать входу

14 Щенков А. С. Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации. С. 439–440.

15 Штендер Г. М. Трёхлопастное покрытие церкви Спаса на Берестове. С. 537.

16 Щенков А. С. Памятники архитектуры в дореволюционной России. С. 440.

законченность привела П. П. Покрышкина к использованию приёма, который осложнил разрешение возникшего вопроса.

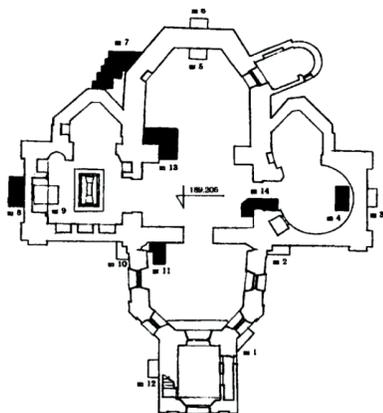
В извлечении из итогового рапорта П. П. Покрышкина в Императорскую археологическую комиссию от 12 сентября 1914 г., опубликованного в «Известиях ИАК», архитектор сжато характеризует проделанную работу и пишет: «Из ассигнованных Киево-Печерской лаврой 3000 рублей на раскопки древней церкви Спаса на Берестове нами истрачено около 1700 рублей. Открыты остатки фундаментов всей церкви за исключением некоторых частей, оставшихся не обнаруженными под земляными гребешками в северной трети всего плана. По случаю начала Первой мировой войны лавра потребовала остановить работы, поэтому остальные около 1300 рублей остались пока не использованы. Предстоит разобрать гребешки земли в северной трети плана и произвести раскопку восточнее открывшихся апсид, под остатками крепостного вала. Означенные остатки фундаментов нельзя оставить на зиму обнажёнными, потому что в таком случае они подвергнутся разрушению. Для защиты их от разрушения необходимо присыпать к ним землю, хотя бы до уровня верхов сохранившейся кладки. Из котлована, который будет и после сего достигать двух аршин глубины, нужно прорыть канаву по направлению к р. Днепр для отвода дождевых и снеговых вод. Для засыпи нужно брать землю из откосов крепостного вала, придавая им хотя бы ординарный уклон. Засыпь могут производить без специального наблюдения, но канаву придется рыть под особым наблюдением»<sup>17</sup>. В качестве наблюдателя Пётр Петрович рекомендовал С. П. Вельмина (сына настоятеля храма Спаса на Берестове, который принимал участие в раскопках с самого начала исследований и активно интересовался археологией). Напоследок были сделаны специальные канавки вокруг котлована для предупреждения затопления его водой, стекающей с крыш и с окружающей местности. Эти канавки П. П. Покрышкин рекомендовал «неослабно поддерживать в исправности»<sup>18</sup>.

На заседании реставрационного совета ИАК 30 октября 1914 г. было удовлетворено ходатайство П. П. Покрышкина и принято решение засыпать его раскопки у церкви Спаса на Берестове<sup>19</sup>.

17 Киев. Печерская Лавра, церковь Спаса на Берестове, XI–XII вв. (Приложение 37 к протоколам реставрационных заседаний Императорской Археологической комиссии) // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 57 (Вопросы реставрации. Вып. 15). СПб., 1915. С. 118.

18 См.: Там же. С. 118.

19 Протоколы реставрационных заседаний Императорской Археологической комиссии (Заседание 30 октября) // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 57 (Вопросы реставрации. Вып. 15). СПб., 1915. С. 53.



Илл. 8. Схема расположения шурфов.  
2020 г.

Общая площадь исследований вокруг собора составила приблизительно 450–500 м<sup>2</sup>. Поскольку П. П. Покрышкин не вёл полевого дневника, а полного отчёта написать не успел, документация об этих исследованиях дошла до наших дней только в виде архивных фотографий Археологической комиссии<sup>20</sup>.

В 1989–1990 гг. в связи с благоустройством территории вокруг церкви «Архитектурно-археологическая экспедиция» Института археологии Национальной академии наук Украины под руководством В. О. Харламова провела археологические раскопки.

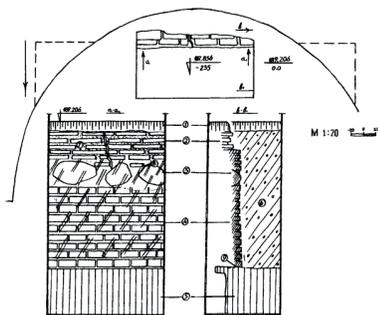
Они имели значительные масштабы (около 400 м<sup>2</sup>) и локализовались исключительно за пределами современного храма. При этом были определены и зафиксированы границы раскопок П. П. Покрышкина, произведён внешний и внутренний обмеры древнерусского ядра церкви. Согласно итоговому отчету, П. П. Покрышкин вначале выкапывал ров шириной от 1,3 до 1,6 м вдоль стен до пяти фундаментов. Затем проводились ремонтно-реставрационные работы на фундаменте древнерусского времени, потом ров был засыпан выброшенным ранее грунтом до верхнего обреза фундамента. И лишь затем штукатурилась стена, в нижней части которой образовался «карниз» из цементного раствора шириной 30–40 см, что фиксирует дневной уровень штукатурных работ начала XX в. Таким образом, исследователи подтвердили поэтапное проведение покрышкинских работ, связанных с ремонтом и реставрацией древнерусского фундамента и оштукатуриванием стен. Такая же ситуация прослеживалась вокруг всего храма<sup>21</sup>.

Новейшие исследовательские и реставрационные работы 2000-х гг., проведённые на Украине, позволили уточнить некоторые особенности проделанных в 1909–1914 гг. П. П. Покрышкиным работ<sup>22</sup>.

20 Мельник О. О. Кладбище церкви Спаса на Берестове XIV–XVIII ст. // Лаврский альманах. 2014. № 11. С. 139–153.

21 Харламов В. А., Гончар В. М. Отчет об археологических исследованиях церкви Спаса на Берестове XII–XIX вв., проведенных Архитектурно-археологической постоянно действующей экспедицией ИА АН УССР Киев, 1990. (КПЛ-А-НВФ-№ 385).

22 Балакин С. А. Новые исследования церкви Спаса на Берестове. Археологические открытия в Украине 2001–2002 гг. // Сборник науч. работ. Вып. 5. Киев, 2003. С. 51–52.



Илл. 9. Шурф 4. План (1) и профили южной (2) и западной (3) бровок. 2002 г.

В 2002 г. исследования церкви Спаса на Берестове (6 шурфов суммарной площадью 14 м<sup>2</sup>) были ориентированы на уточнение конструктивных особенностей и современного технического состояния фундаментов памятника. Из запланированных 14 шурфов (№ 1–14) выполнены были только шесть (№ 4, 7, 8, 11, 13, 14) (см. илл. 8).

Два из них находились снаружи храма (№ 7 и 8), остальные внутри. В шурфах, которые полностью «вписались» в плоскость реставрационных траншей начала XX в., были выяснены технические параметры древнерусских фундаментов церкви и характер их реставрации, произведённой в это время.

Относительно древнерусского ядра во время исследований удалось выяснить, что на большинстве участков (за исключением шурфа № 7) фундаменты сооружения сохранились в относительно неплохом техническом состоянии. Фундаменты XII в. выполнены бутовым камнем на цементном растворе. Верхняя плоскость фундамента выровнена одним-двумя рядами плинфы размерами 35×30×4/4,5 см. Подошва древнерусских фундаментов обычно фиксировалась на отметке 187,7 м (уровень современного пола церкви равен 189,2 м). Общая мощность фундаментов XII в. составляла от 1,45 до 1,50 м. Цементное заполнение фундаментов отличается от кладочного раствора стен. Отдельного упоминания заслуживают остатки первоначальной кладки южной стены церкви, зафиксированные в шурфе №4 (см. илл. 9).

Здесь непосредственно под современным бетонным полом был обнаружен фрагмент кладки, выполненный в технике «утопающего ряда». В отличие от полуциркульной в плане, современной стены сооружения, упомянутый фрагмент располагается по прямой линии. Такая конфигурация свидетельствует о том, что по первоначальному плану южный ризалит церкви должен был быть прямоугольным, как и северный. Но в процессе строительства, уже после того, как стены были возведены на высоту до 0,9 м, этот замысел был изменён в направлении современной, круглой в плане, лестничной башни. Причём кладка стены на высоту до 0,65 м была вырублена, а остальные 0,25 м цокольной части стены, которая, очевидно, располагалась ниже уровня древнерусского пола, оставлена в первоначальном виде.

Приведённые наблюдения подтверждают выводы предыдущих исследователей о корректировке плана церкви в процессе её строительства. Они были сделаны после изучения конструктивных особенностей северного и южного притворов храма.

На всех участках, которые исследовались, фиксируются следы ремонтных работ 1909–1914 гг. Реставрация этого времени выполнялась жёлтым кирпичом (28×14×7 см) на цементном растворе. В зондажах под пятой фундамента было прослежено, что толщина кирпичного панциря составляла не менее 0,30 м. В направлении к верхней плоскости фундамента он постепенно уменьшался до тонкого слоя цементной штукатурки.

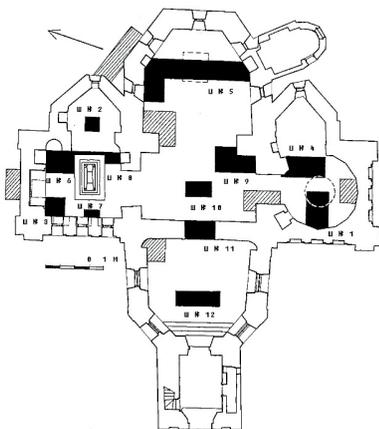
Таким же образом были отреставрированы и фундаменты позднейших пристроек памятника. Например, в шурфе №11, располагавшемся в месте смыкания западной стены древнерусского объёма церкви и северной стены притвора XVII–XVIII вв., удалось выяснить, что фундамент притвора также был обложен кирпичным панцирем, оштукатуренным снаружи цементным раствором «под рукавицу». Причём подошва фундаментов была утолщена на 0,15–0,20 м, благодаря чему последние получили несколько пирамидальный профиль. Пята фундамента притвора находилась на 1,95 м ниже уровня современного пола церкви и на 0,35 м ниже пяты фундаментов XI в.

В этом же шурфе, под подошвой фундаментов XII и XVII–XVIII вв., в месте их смыкания был расчищен каменный блок из жёлтого кирпича на цементном растворе. Толщина блока составляла около 0,30 м. Такие же конструктивные элементы фиксировались под подошвой фундамента и в шурфах №13 и №14. Очевидно, эти блоки служили опорными пятнами, которые обеспечивали инженерную устойчивость сооружения при ремонтных работах начала прошлого века<sup>23</sup>.

В 2003 г., в связи с заменой цементного пола на пол из плитнякового камня, в интерьере церкви Спаса были проведены очередные архитектурно-археологические исследования, программа которых заключалась, во-первых, в выполнении сплошной горизонтальной зачистки всей внутренней плоскости храма (около 150 м<sup>2</sup>) и, во-вторых, в устройстве 12 шурфов (около 50 м<sup>2</sup>), размещённых на наиболее интересных участках памятника (см. илл. 10).

В результате раскопок была уточнена характеристика конструктивных особенностей древнерусских фундаментов, установлена общая

23 Балакин С. А. Новые исследования церкви Спаса на Берестове. Археологические открытия в Украине 2001–2002 гг. С. 51–52.



Илл. 10. Схема расположения шурфов в 2003 г.

стратиграфическая ситуация, установлены объёмы и методика ремонтных работ 1909–1913 гг.

Ленточные фундаменты восточной стены нартекса XII в. составлены бутовым камнем на цементном растворе. Ширина фундаментов — 1,3 м, мощность — около 1,1 м. В конструктивном отношении фундаменты имеют чёткую трёхслойную структуру: деревянные лежни — слой бутовой заливки — бутовая кладка верхней части фундамента. Деревянные субструкции древнерусских фундаментов полностью замещены кирпичной реставрационной кладкой начала XX в.

Верхняя поверхность фундаментов выровнена плинфой, размерами 34–36×29×4–5 см.

Особое внимание в 2003 г. уделялось фиксации тех архитектурных элементов, которые удостоверяют факт корректировки первоначального плана храма в процессе его сооружения. Такие переработки (или дополнения) были зафиксированы на всех обследованных в 2003 г. участках достопримечательности как в плоскости среднего нефа, так и в плоскости обоих боковых алтарей. Кроме этого, в южном приделе обследован циркульный в плане фундамент лестницы на хоры древнерусского времени. Диаметр фундаментов — 2 м, мощность — 0,8 м.

Относительно ремонтных работ начала XX в. было выяснено, что в пределах центрального нефа они выполнялись траншеями-захватками, шириной 1,4–1,6 м, а в боковых приделах — путём полной расчистки этих объёмов на глубину подошвы фундаментов. В максимальной степени восстанавливалась только подошва фундаментов XII столетия, прежде всего полости от деревянных лежней. Кирпичный панцирь реставрационной кладки обычно охватывал лишь нижнюю часть фундамента; ремонт их средней части ограничивался цементным оштукатуриванием «под рукавицу». Верхний уровень фундаментов XII в. в период с 1909 по 1913 г. не реставрировался вообще.

Что касается восточных фундаментов, то в 1914 г. большая часть их начального объёма засыпана почвой, а выше дневной поверхности над ними возведена консервационная кладка из камней. В кладке



Илл. 11. Церковь Спаса на Берестове после реставрации 1909–1914 гг.

древнего фундамента зафиксированы пустоты, которые образовались после исчезновения деревянных лежней<sup>24, 25</sup>.

На время составления акта технического состояния от 23.02.2016 г. № 11 состояние памятника определено неудовлетворительным, а состояние живописи — аварийным. В 2017 г. начались новые исследования церкви для последующих реставрационных работ.

Рассмотрев и проанализировав берестовскую работу П. П. Покрышкина, мы можем увидеть ряд выработанных и применённых им на этом объекте методологических принципов и мер, позволивших значительно повысить степень научной достоверности при восстановлении памятников архи-

тектуры и существенно обогатить современную научную методологию реставрации. Среди них можно выделить:

- 1) принцип оценки, согласно которому архитектурный памятник рассматривается не просто как мемориальное сооружение, но как научный документ и исторический источник. Соответственно, основной целью, наряду с реставрационным вмешательством, становится исследование памятника, «прочтение» его как исторического документа;
- 2) принцип фрагментарного раскрытия (в отношении храма Спаса на Берестове Покрышкин высказывает мнение о нецелесообразности полного восстановления его первоначального вида, аргументируя это ценностью более поздних частей);
- 3) принцип проведения наименее возможного объёма работ исходит из стремления максимально выявить и сохранить художественные качества и исторически ценные особенности памятника;

24 Ивакин Г. Ю., Балакин С. А. Отчет о результатах археологических исследований церкви Спаса на Берестове в 2003 г. Киев, 2004. С. 12, 14, 19.

25 Чобитько А. М. Исследование церкви Спаса на Берестове в Киево-Печерской Лавре // Градостроительство и территориальное планирование: научно-технический сборник. 2016. Вып. 59. С. 473–475.

- 4) принцип максимального сохранения подлинности: использование системы приемов искусственного выделения вносимых в здание новых включений, конструктивных элементов и декоративных деталей, так называемой сигнации, чтобы ясно отличать от них древние, подлинные части;
- 5) метод современных научных архитектурных обмеров, в основе которого лежат выработанные П. П. Покрышкиным точные археологические обмеры;
- 6) метод реконструкции архитектурного облика памятника на основании изучения прилегающего культурного слоя и обнаруженных в нём упавших фасадных фрагментов.

По мнению Е. В. Михайловского, выполненная Покрышкиным реставрация храма Спаса на Берестове — это «...одна из наиболее образцовых реставраций, проведённых в начале XX в. по аналитическому (научному) или археологическому методу»<sup>26</sup>. Таким образом, благодаря академику П. П. Покрышкину научная методология реставрации шагнула далеко вперёд (см. илл. 11).

### Источники

*Ивакін Г. Ю., Балакін С. А.* Звіт про результати археологічних досліджень церкви Спаса на Берестові у 2003 р. Інститут археології НАН України. Київ, 2004 [*Ивакин Г. Ю. Балакин С. А.* Отчет о результатах археологических исследований церкви Спаса на Берестове в 2003 г. ИА НАН Украины. Киев, 2004].

Протоколы реставрационных заседаний Императорской Археологической комиссии (Заседание 30 октября) // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 57 (Вопросы реставрации. Вып. 15). СПб., 1915. С. 3–76.

*Харламов В. А., Гончар В. М.* Отчет о археологических исследованиях церкви Спаса на Берестове XII–XIX вв., проведенных Архитектурно-Археологической постоянно действующей экспедицией ИА АН УССР. Киев, 1990. (КПЛ-А-НПФ-№ 385).

### Литература

*Асеев Ю. С., Харламов А.* Новые исследования церкви Спаса на Берестове // Археология Киева: Исследования и материалы. Киев: Науч. мнение, 1972. С. 84–90.

*Балакин С. А.* Новые исследования церкви Спаса на Берестове. Археологические открытия в Украине 2001–2002 гг. // Сборник научных работ. 2003. Вып. 5. Киев: ИА НАНУ. С. 51–52.

26 *Михайловский Е. В.* Реставрация памятников архитектуры. М., 1971. С. 137.

- Каргер М. К.* К истории киевского зодчества конца XI — начала XII в. Церковь Спаса на Берестове // Советская археология. 1953. Вып. XVII. С. 223–247.
- Киев. Печерская Лавра, церковь Спаса на Берестове, XI–XII вв. (Приложение 37 к протоколам реставрационных заседаний Императорской Археологической комиссии) // Известия императорской Археологической комиссии. Вып. 57 (Вопросы реставрации. Вып. 15). СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1915. С. 118–119.
- Медведева М. В., Мусин А. Е.* Императорская Археологическая комиссия Реставрация и охрана памятников культуры // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 926–1064.
- Мельник А. А.* Кладбище церкви Спаса на Берестове XIV–XVIII вв. // Лаврский альманах. Спецвыпуск 11. Церковь Спаса на Берестове. 2014. С. 139–153.
- Михайловский Е. В.* Реставрация памятников архитектуры. М.: Стройиздат, 1971.
- Отчет императорской Археологической комиссии по 1909–1910 гг. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1913.
- Церковь Спаса на Берестове // Известия императорской Археологической комиссии. Прибавление к вып. 39 (Хроника и библиография. Вып. 19). СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1911. С. 98–100.
- Чобитыко А. М.* Исследование церкви Спаса на Берестове в Киево-Печерской Лавре // Градостроительство и территориальное планирование: научно-технический сборник. Вып. 59. Киев: КНУБА, 2016. С. 464–477.
- Штендер Г. М.* Трехлопастное покрытие церкви Спаса на Берестове // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. Л.: Наука, 1981. С. 534–544.
- Щенков А. С.* Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации. М.: Терра, 2002.

## **Architectural and Archaeological Research and Restoration of the Church of the Savior in Berestovo in 1909–1914 under the Leadership of P. P. Pokryshkin<sup>27</sup>**

**Anastasia Anatolyevna Nikitina**

Master of Theology

2-year postgraduate student of the Postgraduate School of the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, 141300, Russia

anastasiya.anik@gmail.com

**For citation:** Nikitina, Anastasia A. "Architectural and Archaeological Research and Restoration of the Church of the Savior in Berestovo in 1909–1914 under the Leadership of P. P. Pokryshkin". *Theological Herald*, № 4 (39), 2020, pp. 231–251 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2020.39.4.013

27 Scientific adviser — Doctor of Architecture, I. N. Slyunkova.

**Abstract.** The article is devoted to the history of the study of the Kiev Church of the Savior in Berestovo. The beginning of the fundamental complex architectural and archaeological research of this temple was the work carried out by the outstanding scientist, the founder of the modern method of studying ancient Russian architecture, academician P. P. Pokryshkin during the overhaul and restoration of the church in 1909–1914. However, data on the excavations of P. P. Pokryshkin (diaries, reports, measurements) are absent, since the work was interrupted due to the outbreak of the First World War and all materials, with the exception of photographs, were lost. In this work, on the basis of all available data, including unpublished archival sources with which we got acquainted, a picture of architectural and archaeological research and repair and restoration work of the Church of the Savior in Berestovo in 1909–1914, carried out under the guidance of an employee of the Imperial Archaeological commission, academician of architecture P. P. Pokryshkin. A number of methodological principles and measures are given that were developed and applied by P. P. Pokryshkin at this monument, which made it possible to significantly increase the degree of scientific reliability of the restoration of the monument. As a result of the study, it is shown what role the restoration of this temple played in the formation of the modern initial principles of the scientific restoration of architectural monuments.

**Keywords:** Pyotr Petrovich Pokryshkin, Architect, Restorer, Monument, Cultural Heritage, Church Art, Old Russian Architecture, Church of the Savior in Berestovo, the Theory of Restoration.

## References

- Aseev Yu. S., Kharlamov A. (1972) “Novyye issledovaniya tserkvi Spasa na Berestove” [“New Researches of the Church of the Savior in Berestovo”], in *Arkheologiya Kiyeva: Issledovaniya i materialy* [Archeology of Kiev: Research and Materials]. Kiev: Scientific Opinion, pp. 84–90 (in Russian).
- Balakin S. A. (2003) “Novyye issledovaniya tserkvi Spasa na Berestove. Arkheologicheskiye otkrytiya v Ukraine 2001–2002 gg.” [“New Researches of the Church of the Savior in Berestovo. Archaeological Discoveries in Ukraine 2001–2002”], in *Collection of Scientific Works*, vol. 5. Kiev: Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine, pp. 51–52 (in Russian).
- Chobitko A. M. (2016) “Issledovaniye tserkvi Spasa na Berestove v Kiyevno-Pecherskoy Lavre” [“Research of the Church of the Savior in Berestovo in the Kiev Caves”]. *Gradostroitel'stvo i territorial'noye planirovaniye: nauchno-tekhnicheskyy sbornik* [Urban Planning and Territorial Planning: Scientific and Technical Digest], vol. 59, pp. 464–477. Kiev: KNUBA (in Russian).
- Ivakin G. Yu., Balakin S. A. (2004) “Zvit pro rezul'taty arkheolohichnykh doslidzhen' tserkvi Spasa na Berestovi u 2003 r.” [“Report on the Results of Archaeological Researches of the Church of the Savior in Berestovo in 2003”]. Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine. Kiev (in Ukrainian).
- Karger M. K. (1955) “K istorii kiyevskogo zodchestva kontsa XI — nachala XII v. Tserkov' Spasa na Berestove” [“To the History of Kiev Architecture of the Late XI — Early XII Century. Church of the Savior in Berestovo”]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], vol. 17, pp. 223–247 (in Russian).
- Kharlamov V. A., Gonchar V. M. (1990) “Otchet o arkheologicheskikh issledovaniyakh tserkvi Spasa na Berestove XII–XIX vv., provedennykh Arkhitekturno-Arkheologicheskoy postoyanno

deystvuyushchey ekspeditsiyey IA AN USSR” [“Report on the Archaeological Research of the Church of the Savior in Berestovo XII–XIX Centuries, Conducted by the Architectural and Archaeological Permanent Expedition of the IA Academy of Sciences of the Ukrainian SSR”]. *KPL-A-NPF*-№ 385. Kiev (in Russian).

- Medvedeva M. V., Musin A. E. (2009) “Imperatorskaya Arkheologicheskaya komissiya Restavratsiya i okhrana pamyatnikov kul'tury” [“Imperial Archaeological Commission Restoration and Protection of Cultural Monuments”], in *Imperial Archaeological Commission (1859–1917)*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, pp. 926–1064 (in Russian).
- Melnik A. A. (2014) “Kladbishche tserkvi Spasa na Berestove XIV–XVIII vv.” [“Cemetery of the Church of the Savior in Berestovo XIV–XVIII Centuries”]. *Lavrskiy al'manakh [Lavra Almanac]*. Special issue 11. Church of the Savior in Berestovo, pp. 139–153 (in Russian).
- Mikhailovsky E. V. (1971) *Restavratsiya pamyatnikov arkhitektury [Restoration of Architectural Monuments]*. Moscow: Stroyizdat (in Russian).
- Schenkov A. S. (2002) *Pamyatniki arkhitektury v dorevolyutsionnoy Rossii. Ocherki istorii arkhitekturnoy restavratsii [Monuments of Architecture in Pre-Revolutionary Russia. Essays on the History of Architectural Restoration]*. Moscow: Terra (in Russian).
- Shtender G. M. (1981) “Trehlopastnoye pokrytiye tserkvi Spasa na Berestove” [“Three-Blade Covering of the Church of the Savior in Berestovo”], in *Pamyatniki kul'tury. Novyye otkrytiya. Yezhegodnik [Cultural Monuments. New Discoveries]*. Leningrad: The Science, pp. 536–544 (in Russian).